Что такое Геополитика?

Доклад, представленный на 16-ой встрече в рамках Шлангенбадских бесед «Кризис: глобальные изменения и двухсторонние последствия», организованной при поддержке Филиала Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации (Москва) и Гессенским фондом исследований проблем мира и конфликтов (Франкфурт) в сотрудничестве с Институтом мировой экономики и международных отношений РАН (Москва) и Фондом Конрада Аденауэра в Российской Федерации (Москва)

Шлангенбад, 25 - 27 апреля 2013 г.

Эгберт Ян

Апрель 2013

Контактная информация автора: доктор наук Эгберт Ян,
профессор Мангеймского университета,
кафедра политической науки и новейшей истории
Строение А 5
D-68131 Мангейм
Тел.: +49-621 181 2088
Факс: +49-621-181 2087
E-mail: egbjahn@web.de
Домашняя страница: http://fkks/uni-mannheim.de

Что такое Геополитика?[1]

1 Понимание геополитики как науки, а не политики

Геополитика не «является» чем-то определенным, а обозначает то, что под ней хотят понимать, и то, что под ней в разное время понималось другими. И данное понимание в разных странах и в сознании отдельных пользователей термина было в прошлом отчасти довольно разным. Так, сегодня, прежде всего в Германии и России понимание геополитики и отношение к ней являются всецело различными. Я не хочу развернуто говорить о российских взглядах на геополитику, поскольку по данной теме впоследствии выскажутся Сергей Караганов и Андрей Зубов. Вероятно, популярность геополитики в современной России является следствием появившегося чувства неуверенности, вызванного распадом Советского Союза, и попыток сохранения, по крайней мере, отдельных элементов политических, общественных и экономических связей на постсоветском или даже на посткоммунистическом пространстве (как пример – политика России в Сербии и Косово), а также укрепления статуса великой державы.

В Германии с мая 1945 года геополитика является табуированным термином, так как многие понимают под ней науку легитимации[2] или даже псевдонауку и идеологию[3] на службе национал-социалистической захватнической и истребительской политики. Геополитика понималась как ее поборниками, так и ее критиками, прежде всего как учение о политике великих держав, интерпретирующее внешнюю и мировую политику как политику, направленную на создание сфер влияния или даже установление мирового господства. В этой связи война, наряду с дипломатией, экономикой и воспитанием общественных масс, неизбежно являлась частью мировоззрения и идеологии, отвечающей некой политической цели. Национал-социалистическая политика преследовала цель установления политического «нового порядка в Европе», предполагавшего создание велико-немецкого, германского рейха, в котором «жизненное пространство» немецкого народа и «арийской» или «германской расы» должно было простираться, прежде всего, на территории Центральной и Восточной Европы вплоть до Урала. Для достижения данной цели славянские народы должны были быть заметно сокращены в численности, а евреи

[1] Данный текст представляет собой развернутую версию моего доклада для Шлангенбадских бесед, который по организационным причинам был сокращен до 15 минут, и поэтому смог включить в себя лишь часть аргументов, представленных здесь.
[2] Так, по наблюдению Петера Брокмайера в его предисловии к книге: Ebeling, Frank: Geopolitik. Karl Haushofer und seine Raumwissenschaft 1919-1945, Berlin 1994, C. 13.
[3] Wolkersdorfer, Günter: Politische Geographie und Geopolitik zwischen Moderne und Postmoderne, Heidelberg 2001, C. 18, 81.

полностью уничтожены. Поэтому многим немцам кажется странным, что именно в России после 1991 года слово «геополитика» столь неосознанно вошло в повседневный лексикон многих ученых и политиков[4].

Необходимо, тем не менее, отметить, что и в Германии в целях реабилитации большинства ультраконсервативных немецких геополитиков предпринимались попытки обозначить фундаментальные различия между великодержавными представлениями основных академических представителей учения о геополитике и расистской политикой национал-социалистов, основанной на концепциях жизненного пространства и уничтожения и использовавшей в своей политике, пропаганде и массовом воспитании основные термины геополитики, значительно изменив при этом их суть[5]. После 1945 г. была предпринята попытка провести черту между серьезной, интеллектуально и морально «хорошей» политической географией и псевдонаучной, как интеллектуально, так и морально предосудительной и «плохой» геополитикой в целях восстановления репутации географов и сохранения их позиций при университетах, даже если в большинстве случаев именно они, а не политологи, занимались написанием трудов о геополитике[6].

Говоря о геополитике, необходимо также принимать во внимание, что некоторые ученые, считающиеся выдающимися геополитиками-теоретиками, никогда не употребляли слово «геополитика». К их числу можно отнести, например, британского географа Хэлфорда Джона Маккиндера. Это поднимает дальнейший вопрос о том, существует ли определенный общественно и политически важный объект, лежащий в основе науки, определяемой одними как геополитика и именуемой другими иначе. Если он существует, тогда не следует слишком долго спорить о слове «геополитика», а следует заняться сутью того, что оно обозначает.

Как ни странно, в общеупотребительном смысле под геополитикой понимается не какая-то определенная политика и даже не область политики, а наука, тесно взаимосвязанная с другой наукой – политической географией. Оба наименования не

---

[4] Караганов, С.А.: Карта мира: Возвращение геополитики. Ведомости, №62 от 10.04.2013; Дугин А.Г.: Основы геополитики, 4-е изд., Москва 2001; Ивашов Л.Г.: Россия и мир в новом тысячелетии. Геополитические проблемы, Москва 2000

[5] См., н.п., Ebeling 1994 (Прим. 2) и Jacobsen, Hans-Adolf: Karl Haushofer. Leben und Werk, в 2-х т., Boppard 1979.

[6] Wardenga, Ute: Zur Konstruktion von ‚Raum' und ‚Politik' in der Geographie des 20. Jahrhunderts, in: Reuber, Paul/ Wolkersdorfer, Günter: Politische Geographie: Handlungsorientierte Ansätze und Critical Geopolitics, Heidelberg 2001, 23. Начало попыткам оправдания дисциплины политической географии посредством дискредитации геополитики было положено статьей Troll, Carl: Die geographische Wissenschaft in Deutschland in den Jahren 1933 bis 1945. Eine Kritik und Rechtfertigung,// Erdkunde I, 1947, C. 3-48.

являются удачными. Никому не приходит в голову называть социальную, семейную, внешнюю политику или политику защиты окружающей среды наукой. Скорее речь идет об определенной сфере и объекте политики, понимаемой как в качестве политического события или процесса (*politics*), так и в качестве политического содержания, задач и целей (*policies*). В этих случаях четко различают между политикой и политологией: поскольку словосочетания «социальная политология» или «внешняя политология» не являются звучными в немецком языке, говорят о политологии со специализацией в области социальной политики, политики защиты окружающей среды или внешней политики. Причина, по которой под геополитикой понимают не политику, а науку или учение о политике, являющейся, по мнению некоторых ее критиков, лишь идеологией, может крыться в том, что геополитика концентрируется не на определенном объекте политики, будь то геосфера или Земля, а на определенном аспекте политики, а именно, на ее пространственном измерении. Так, геополитика – это не «политика в пользу земли?» (*Erdpolitik*) – термин, которым с недавнего времени обозначается также глобальная политика защиты окружающей среды[7]. По сути, никакое политическое действие не может существовать вне пространственной связи с Землей, если, конечно, не принимать во внимание несбыточные мечты.

Важнейшие и одновременно наиболее спорные труды по геополитике посвящены тому, что называется внешней политикой и международными отношениями, а также, в частности, внешней политике (*foreign policy*) великих держав. Они посвящены мировой политике, понимаемой в качестве анализа и толкования мирополитических событий (*world politics*), а не в качестве политики, направленной на установление мирового порядка (*world order or global policy*). Однако ученые, занимавшиеся геополитикой, видели себя, как правило, именно советниками по вопросам определенной пространственной политики собственных стран с великодержавными амбициями.

Так, в аннотации к третьему изданию работы, занимающей центральное место среди немецкой геополитической литературы – книге Карла Хаусхофера «Геополитика Тихого Океана. Трактат о взаимоотношениях между географией и историей» на поставленный автором самому себе вопрос «Что такое геополитика?» был дан, в том числе следующий ответ: «Некоторые полагают, что она представляет собой искусство государственного деятеля, который способен видеть и использовать объективные факты и

[7] Weizsäcker, Ernst-Ulrich: Erdpolitik. Ökologische Realpolitik als Antwort auf die Globalisierung, Darmstadt 1989, 5-е изд. 1997.

события политики». На самом же деле она заключается в «способности при поверхностном взаимодействии со злободневными вопросами понимать тенденции развития мировой политики со всеми возникающими взлетами и падениями». Данная способность предполагает углубление «в закономерности развития народов и государств и особенности мировой политики[8]». По сути, исследователи, как геополитики, так и политической географии, стремятся к универсальному синтезу географии, политологии и исторической науки. Первые, однако, делают явный акцент на политические рекомендации, хотя следует признать, что и политические географы часто занимаются политическим консультированием. Исследовательский интерес современной политической и исторической географии с античных времен до раннего нового времени был представлен космографией[9].

Некоторые авторы понимают геополитику как «целеполагающую и прикладную науку», которая призвана оказывать помощь в принятии решений правительствам и военным руководителям преимущественно великих держав и предпочтительно собственных стран, а иногда также и государственным союзам или силовым блокам. Внимание геополитиков сфокусировано не на земном пространстве в целом, а на его отдельных политических подпространствах, а, следовательно, на границах, и их прошлых и возможных будущих изменениях. Геополитика концентрируется на вопросах политического влияния и владения определенными областями земного шара, то есть на территориальном планировании, и прежде всего, пространственно-ориентированной внешней политике. Пространственно-ориентированная внешняя политика, правда, не обозначается в английском языке словом *geopolicy*, под термином *geopolitics* понимается лишь взаимодействие в рамках совокупности пространственно-ориентированных внешних политик, то есть геополитическое событие или процесс международной политики или международных отношений. В принципе, под геополитикой подразумевается не только внешняя политика, но и внутренняя политика, а точнее внутренний пространственный порядок и устройство государства во всех смыслах. Строительство Транссибирской магистрали в России, как и, например, строительство Тихоокеанской железной дороги в США, было геополитически мотивированным актом внутренней политики, целью

[8] Haushofer, Karl: Geopolitik des pazifischen Ozeans. Studien über die Wechselbeziehungen zwischen Geographie und Geschichte (1925), 3-е изд., Heidelberg – Berlin 1938.
[9] Herodot: Historien. Bücher I-IX (ок. 430-425 до н.э.), в 2-х томах, Düsseldorf 2001; Münster, Sebastian: Cosmographei oder Beschreibung aller länder, herschafften, fürnemsten stetten, gebreuche, geschichten, hantierungen etc., Basel, 3-е изд, Basel 150, факсимильное изд., Houten 1987. [Космография или описание всех земель, владычеств, благородных домов, обычаев, повествований, ремесел и т.д.]

которого было установление сообщения между подпространствами государства и, таким образом, между пространственно отдаленными друг от друга частями общества.

У пространства есть два различных измерения, связанных между собой в геополитическом мышлении, но при этом зачастую нечетко разделяемых аналитически, а именно: геометрическое и географическое. В геометрическом понимании речь идет о конфигурациях пространства (например, продолговатые и округлые формы), о внутреннем наполнении пространства и о его границах, центре и периферии, о возможностях изменения территориального положения, в особенности за счет соседних территорий, о территориальных единицах и о пространстве в целом, о рассмотрении государств и частей государства на бумаге, на двухмерной политической карте. При географическом рассмотрении пространства учитываются также природные и культурные составляющие, к примеру, горы и воды, пустыни и растительность, незаселенные территории, а также население, земледелие и промышленность, коммуникации, конфигурации власти и т.д. Географическое пространство, хоть и является преимущественно двухмерным (имеются в виду подпространства и отдельные участки земной поверхности), но также обладает важным третьим измерением: глубины и высоты, являющиеся зачастую более важными для транспортных, экономических и, прежде всего, военно-географических аспектов политики, нежели геометрическое измерение политического пространства[10]. К пониманию пространства в политической географии, а также в геополитике относится и четвертое измерение – изменение политических пространств и их границ в историко-временном контексте.

Поскольку политика пространственного порядка затрагивает не только абстрактные геометрические пространства, но и конкретные области земного шара с сушей, водами, горными массивами и равнинами и прочими природными и культурно-обусловленными особенностями земной поверхности, то хорошее понимание предмета политической географии является предпосылкой для геополитических размышлений. Поэтому отношение между политической географией и геополитикой часто определялось в качестве такового между чистой (т.е. фундаментальной) и прикладной наукой, несмотря на общность объекта исследования[11]. Большая часть геополитических трудов с

[10] Посредством привлечения других наук о Земле, таких как геология, метеорология, климатология и, наконец, наука изучения космоса, а также в результате развитии авиасообщения и использованиия космоса третье измерение становится пространнее и значительнее, чем полагали географы и геополитики до 1945 г.
[11] Так, Haushofer, Albrecht: Allgemeine politische Geographie und Geopolitik, Heidelberg 1951, C. 19.

претензией на научность была написана не политологами, а политически заинтересованными и политически активными географами[12] или же военными[13].

С лексической точки зрения выражение «политическая география» в немецком языке также не является удачным, поскольку речь идет не о ее особой политической направленности в отличие от неполитической географии[14], а о ее объекте изучения в рамках земного пространства, коим являются государства или, более обобщенно, «политические формы жизни», говоря словами Альбрехта Хаусхофера[15]. Если бы сегодня нужно было найти более подходящий термин, то речь шла бы о географии политических институтов или просто о политгеографии как об отрасли культурной географии, социальной географии, социально-экономической географии или антропогеографии, дабы не использовать то и дело употребляемый, но несколько узкий термин «география государств» (*Staatengeographie*)[16].

2. О политической географии Фридриха Ратцеля

Существенным толчком к размышлениям о геополитике стала деятельность Фридриха Ратцеля (1844-1904). Будучи зоологом и профессором географии в Лейпциге, он в 1897 году опубликовал работу «Политическая география», получившую впоследствии широкое международное признание. Ратцель считается основоположником биогеографии, поскольку впервые ввел в употребление понятие «окружающая среда», антропогеографии или социально-экономической географии в целом и политической географии в частности. Впрочем, еще до него шли дискуссии о политической географии, в основном представленной статистическим страноведением. Ратцель вывел систематическое «сравнительное исследование отношений между государством и территорией» на такой уровень, который определил стандарт для последующих поколений географов и отчасти политологов и политиков по всему миру[17]. Несмотря на то, что учение Ратцеля было преимущественно воспринято консерваторами и политически правыми, тем не менее, к примеру, русский марксист Георгий Плеханов (1856-1918) высоко ценил работу Ратцеля,

---

[12] Соответственно Гюнтер Волькерсдорфер 2001 (Прим. 3, С. 1) обозначает политическую географию и геополитику как часть географической науки

[13] Карл Хаусхофер был баварским генерал-майором, в то время когда он стал профессором географии в Мюнхене

[14] Равным образом, выражение «политическая наука» является неточным обозначением науки, занимающейся анализом политики. Поэтому ее часто называют наукой о политике или политологией; с языковой точки зрения менее красиво, но допустимо.

[15] Haushofer, Albrecht 1951 (Anm. 11), C. 22-42.

[16] Schwind, Martin: Allgemeine Staatengeographie, Berlin/ New York 1972.

[17] Ratzel, Friedrich: Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges, Leipzig 1897, 2-е изд. München – Berlin 1903, C. IV.

поскольку содержащиеся в ней идеи перекликались с учением исторического материализма. Уже в молодости Карл Маркс отмечал, что политэкономия также должна заниматься географическими основами политической экономии.

Ратцель полагал, что, несмотря на то, что политическая география имеет определенные точки соприкосновения с социологией и теорией государства, ее структура, методы и цели должны быть географическими. Ратцель критиковал, что теория государства в свое время воздерживалась от пространственного изучения и сравнения государств и государственных образований. Будучи зоологом, он находился под сильным влиянием учения Чарльза Дарвина (1809-1882) и социального дарвинизма и понимал государства «на всех уровнях развития» как «организмы», хоть и «сотворенные человеком», которые находятся в обязательной связи с территорией и поэтому должны рассматриваться географически. Так, Ратцель говорил о «биогеографическом понимании государства» и ввел понятие «жизненного пространства» в политико-географическую науку[18]. Каждое государство является «отчасти человечеством и отчасти территорией»[19] или поверхностью Земного шара, которая увеличивается, уменьшается или исчезает в ходе истории. Представление об организме у Ратцеля, однако, не является биологическим, поскольку он писал о том, что государство становится организмом в результате политической организации территории. Тем не менее, он, вероятно, намеренно говорил не о территориальной организации, а именно об организме для того, чтобы описать историческую динамику, рост и исчезновение государств. Политическая география является для него, по сути, исторической географией[20]. Он понимал государство как «духовный и моральный организм. Духовная связь соединяет физическую разобщенность, и в этом отношении какое-либо биологическое сравнение является неподходящим»[21]. Народ для него также не являлся биологической категорией: «народом я называю, следовательно, политически объединенную группу групп или отдельных людей, которые не обязательно обладают племенным или языковым родством, но которые связаны в пространственном отношении общей территорией»[22]. По мнению Ратцеля, государства являются венцом «прочих видов и конфигураций жизни», и их следует рассматривать в контексте их исторического развития. Понимание географических основ политической

[18] Там же С. 3.
[19] Там же, С. 4.
[20] Hugo Hassinger (1877-1952) назвал свой основной труд соответственно: „Die geographischen Grundlagen der Geschichte“, Freiburg 1931, Переизд. Freiburg 1953.
[21] Ratzel 1903 (Прим. 17), С. 11.
[22] Там же, С. 5.

силы еще никогда не было в дефиците ни у действительных государственных деятелей, ни у целых наций. «В их понимании суть данных процессов скрыта под такими выражениями, как стремление к экспансии, талант к колонизации, врожденный дух господства».

Динамику истории государств Ратцель преимущественно объяснял ростом численности народов, который ведет к развитию культуры и распространению людей почти по всей пригодной для жизни земной поверхности, а, следовательно, к колонизации. Заселение незаселенных земель безземельными людьми и народами вело не только к внутренней колонизации, но и к экспансии за пределы государственных границ. Результатом этого является вечная борьба человеческих общностей за самостоятельное существование и, в конечном счете, образование все больших государств. Причем стабильное формирование государств и государственного порядка представляется возможным лишь через земледелие и частное или общественное владение землей. Кочевнические государства недолговечны. К тому же, политическое господство исчезает, если завоеванные территории не заселяются собственным народом. Поэтому, к примеру, английская захватническая политика была намного успешнее, нежели французская и испанская.

Ратцель надеялся, что его политическая география поспособствует сближению науки о государстве и исторической науки, поскольку, по его мнению, совокупность социологических наук могла по-настоящему процветать только на географической почве[23]. Ратцель был не только географом. Его интересовал не только научный вопрос о том, как политика воздействует на Землю или на природную среду, и, наоборот, как природная среда и такие географические факторы, как морфология, климат, растительность, водоемы и т.д., влияют на человеческое сосуществование и в особенности на формирование и изменение государств. Географические факторы влияют и на внутреннее устройство государств. Ратцель ни в коем случае не проповедовал географический детерминизм, как это иногда утверждается, а подчеркивал роль определяющих пространство духовных, к примеру, религиозных, и политических сил и идей. В целом, он исходил из исторического процесса объединения тысячи изначальных государств во все большие государства. В свое время он насчитал лишь 54 самостоятельных государства[24].

[23] Там же, С. IVf.
[24] Там же, С. 22.

В национальной политике своего времени Ратцель видел шаг назад к нетерриториальности. Он считал, что национальная идея может быть успешной только в сочетании с географической. Если государство хотело или должно было расширить свою территорию, «оно обеспечивало себе землю, не оглядываясь на желания ее обитателей, проводя, таким образом, чисто территориальную политику, как Франция в Ницце, Германия в Северном Шлезвиге и французской Лотарингии» [25]. Как и другие, Ратцель уже в конце XIX века принимал в расчет сильную тенденцию к глобализации: «международные сношения стремятся превратить всю Землю в единый экономический организм, в котором страны и народы являются в большей или меньшей степени подчиненными органами». Ратцель, несомненно, хотел не только описывать и объяснять историю и географическое пространство, но и давать политические рекомендации, а также высказываться о том, какая политика казалась ему осуществимой в свете его научных выводов о взаимосвязи географического пространства и истории государств. Он видел большие государства в форме колониальных империй соответствующими своему времени. Так, он рассматривал Российскую империю в качестве метрополии в Европе площадью 5.396.000 км^2 и колоний площадью 17.265.000 км^2 в Азии[26]. Германская империя состояла для него из метрополии в 540.000 км^2 и колоний в 2.600.000 км^2, равно как и Бельгийская империя, в состав которой входила метрополия площадью 29.460 км^2 и 2.253.000 км^2 колониальных владений. Другие империи, такие как Китай, Япония, Дания и Аргентина, он также рассматривал в качестве колониальных империй[27]. Для Ратцеля географически просвещенное знание было причиной того, что именно Россия, а не Великобритания успешно расширялась на территорию Средней Азии[28]. После того, как к концу XIX века вся заселенная поверхность Земли была разделена между великими державами, он не ставил под сомнение тот факт, что «в будущем новые великие державы смогут появляться только путем разрушения старых»[29].

Вслед за Ратцелем многие писали о политической географии, например Александр Зупан, Рудольф Райнхард, Карл Дове, Артур Дикс и Вальтер Фогель. Самая значимая и влиятельная работа была представлена Отто Маулем (1887-1957), занявшим впоследствии

[25] Там же, С. 35.
[26] Данное политико-географическое представление было распространено и в России. Понимание России в рамках Восточной Европы было лишь в коммунистическое время расширено до Владивостока.
[27] Ratzel 1903 (Прим. 17), С. 172.
[28] Там же, С. 229.
[29] Там же, С. 227.

должность профессора географии в Граце[30]. Мауль понимал государство как пространственный организм с собственной биографией, «целью которого является беспрепятственный рост за счет уместных военных потерь, в случае исчерпания резервов имеющихся территорий и появления возможностей для захвата территории конкурентов. Поэтому государства представлены у Мауля в качестве воюющих единиц, а «образ территории» проявлялся главным образом в боевых позициях и военных действиях, таких, например, как патруль и атака фланга, вклинивание в расположение противника, окружение, подавление»[31].

3. О развитии геополитики в Германии

Термин «геополитика» был введен в употребление в 1899 году шведским географом Рудольфом Челленом (1864-1922)[32]. С 1916 он занимал пост именитого профессора общественно-политических наук в Уппсале. Его основной работой была книга «Государство как форма жизни», опубликованная в 1917 в Лейпциге на немецком языке. Также в Лейпциге в 1915 была опубликована его работа «Идеи 1914 года: всемирно-историческая перспектива». В ней он обозначил первую мировую войну как борьбу мировоззрений между консервативно-автократическими идеями Германской империи, поддерживаемыми Челленом, и либерально-демократическими «идеями 1789» Франции и Великобритании. Челлен поддержал, таким образом, распространенную за пределами Германии интерпретацию первой мировой войны как борьбы не между государствами и великими державами, а между более полноценной европейской «культурой» и менее полноценной западной универсальной «цивилизацией».

Идеи Челлена и Ратцеля послужили вдохновением для работы мюнхенского профессора географии Карла Хаусхофера (1869-1946), который в 1909-1910 гг. служил в качестве баварского офицера в Японии, а в 1925 году опубликовал свою главную работу «Геополитика Тихого океана»[33]. Какое-то время ассистентом Хаусхофера был Рудольф Гесс (1894-1987). Их связывала длительная дружба. Однако Гесс оставил Хаусхофера, чтобы стать личным секретарем Адольфа Гитлера (1889-1945). Гесс познакомился с Гитлером уже в 1920 г. и стал его близким сподвижником. Он оказал помощь Гитлеру (находившемуся в то время в заключении в Ландсбергской тюрьме после попытки

[30] Maull, Otto: Politische Geographie, Berlin 1925. Книга 1925 года существенно отличается от одноименной и менее значительной книги Мауля 1956 года.
[31] Wardenga 2001 (Прим. 6), С. 20.
[32] Riemer, Andrea K.: Geopolitik und Strategie am Beginn des 20. JahrhundertC. Theoretische Überlegungen, Frankfurt u.a. 2006, С. 160.
[33] Haushofer, Karl 1938 (Прим. 8).

организации путча в Мюнхене в 1923 году) при составлении «Моей борьбы», а также познакомил его с идеями Хаусхофера о «жизненном пространстве», которые Гитлер впоследствии истолковал в свете национал-социалистической расовой теории и соответствующей захватнической и истребительской политики. Позднее Гесс стал заместителем фюрера Третьего Рейха, но в мае 1941 г. самовольно полетел в Англию с предложением о заключении мира с Германией и союза против СССР. В соответствии с геополитическими представлениями Хаусхофера, он считал начатую Германией войну на два фронта обреченной. Она должна была привести к разрушению государственного единства и потере Германией статуса великой державы. В принципе, с советской точки зрения Гесс должен был бы представляться опаснее Адольфа Гитлера.

Карл Хаусхофер, поспособствовавший заключению союза между Германской империей и Японией, напротив, видел, в евразийском континентальном блоке и четверном союзе между Германией, Италией, Японией и Советским Союзом 1939-1941 гг. шанс сломить мировую монополию британской империи. Хотя немецкое нападение на Советский Союз с геополитической точки зрения Хаусхофера означало поражение и конец Германии как великой державы, он оставался, по каким бы то ни было причинам, лояльным к гитлеровскому режиму[34]. Хаусхофер издавал, порой вместе с другими ведущими географами, такими как Отто Мауль, Герман Лаутензах и Эрих Обст, с 1924 по 1944 гг. журнал о геополитике[35]. К числу немногих немецких политологов, занимавшихся геополитикой, относился и Адольф Грабовский (1880-1969), полемизировавший с Карлом Хаусхофером. В 1934 он эмигрировал в Швейцарию, с 1945 года преподавал в Марбурге-на-Лане и опубликовал в 1960 году книгу о геополитике[36].

Карл Хаусхофер считается важнейшим немецким представителем геополитики первой половины XX века. Во введении к своему центральному произведению «Геополитика Тихого океана» Хаусхофер объясняет: «задача и цель геополитики – научной основы искусства ведения политики в условиях экзистенциальной борбы государственных жизненных форм за жизненное пространство на Земле – будет заключаться в распознавании специфических, определенных земной поверхностью характеристик, являющихся постоянными в рамках данной борьбы, и в умении вывести их из плоскости простого эмпирического применения в область применения на основе

[34] Ebeling 1994 (Прим. 2), С. 199-216. Намного более критично, хотя и менее обоснованно Хаусхофер оценивается в:Hipler, Bruno: Hitlers Lehrmeister – Karl Haushofer als Lehrmeister der NS-Ideologie, St. Ottilien 1996.
[35] См. также: Harbeck, Karl Heinz: Die Zeitschrift für Geopolitik 1924-1944, Kiel 1963.
[36] Grabowsky, Adolf: Raum, Staat und Geschichte: Grundlegung der Geopolitik, Köln/Berlin 1960.

выведенных закономерностей. Целью геополитики является, однако, «в той же мере искусство, сколь и наука, сопоставимые по меньшей мере с художественным ремеслом». Будущее человечества зависит от «поворотов постоянно ведущихся битв за овладение, сохранение, перераспределение и передел жизненного пространства и силы»[37]. Ссылаясь на Фридриха Ратцеля и Рудольфа Челлена, Хаусхофер говорил о «законе растущего пространства» и о «битве за существование» (*Daseinskampf*) государств, их, дословно, „*struggle for life*“ (борьбе за жизнь) в целях „*survival of the fittest*“ (выживания наиболее приспособленных)[38]. Захват Абиссинии Италией в 1934-1935 гг. и Маньчжурии Японией в 1931-1934 гг. Хаусхофер воспринимал как «прорыв блокады тесного пространства стесненным национальным духом»[39]. После «разрушения Центральной Европы»[40] он хотел взрастить в немцах, находившихся по условиям Версальского мира в «изувеченной Германии», геополитическое понимание борьбы за власть, ведущейся в Тихом океане. Именно на Тихий океан должен был быть перемещен основной фокус мировой политики. За это широкое морское пространство Земли соперничали англосаксонский «империализм», который Хаусхофер преимущественно критиковал, Россия, Китай и Япония. В своей работе Хаусхофер хотел поддержать древнее стремление германцев и немцев к теплым морям и оживить память о немецких колониях в Тихом океане. Осознание единства тихоокеанского морского пространства – это больше, чем осознание единства евразийского материка. Именно оттуда, «вероятно, может исходить устройство всей планеты, с мировой плановой экономикой, мировой культурой и мировой политикой». Первая мировая война, Версальский мир и «карикатура Лиги Наций» лишили этой возможности Европу и средиземноморско-атлантическое пространство. После того, как изувеченный немецкий народ пребывал в состоянии частичного наркоза до 1932 г., пробуждение 1932-1933 гг. принесло, по его мнению, изменения к лучшему[41]. Хаусхофер, никогда не бывший членом НСДАП и женатый на полу-еврейке, стремился выступать в роли советника по вопросам национал-социалистической внешней и мировой политики.

Сын Карла Хаусхофера, Альбрехт Хаусхофер (1903-1045) был профессором географии в Берлине и определенное время состоял на дипломатической службе. После полученного там отрезвляющего опыта он, начиная с 1938 года, отмежевался от национал-социалистической внешней политики и 20 июля 1944 г. объединился с кругами

[37] Haushofer, Karl 1938 (Прим. 8), С. 13.
[38] Там же, С. 14, 21, 24.
[39] Там же, С. 11.
[40] Там же, С. 16, 14.
[41] Там же, С. 17 и 20.

сопротивления именно по причине их геополитических воззрений. Поэтому после неудавшегося покушения на Гитлера он был арестован и убит незадолго до окончания войны. Он оставил миру рукопись книги «Всеобщая политическая география и геополитика. Первый том», которая вышла в 1951 г. в Гейдельберге. С научной и теоретической точек зрения она более содержательна, чем работа его отца.

Для Альбрехта Хаусхофера разграничение между политической географией и геополитикой было второстепенным. В основе обеих наук лежала проблематика «взаимоотношений между пространственным окружением людей и их политическими формами жизни»[42]. Для него государство было лишь одной из многих форм жизни. Он скептически высказывался относительно органического учения Челлена о государстве, перенятого некоторыми политическими географами и отвлекшего их тем самым на дискуссии, которые относились к сфере философии истории и должны были там оставаться.[43]

После 1945 г. политическая география и геополитика в Германии были отодвинуты в тень. Только в 80-е гг. молодое поколение географов начало заниматься тематикой, к которой после распада коммунистических режимов в Восточной Европе был проявлен сильный интерес в свете поиска подходящих представлений о новых политико-пространственных структурах международной системы. При этом имел место совершенно новый подход к геополитике, обусловленный влиянием американской радикальной географии (*Radical Geography*) и критической геополитики (*Critical Geopolitics*)[44], которая видит себя конструктивистской, постструктуралистской и постмодернистской, и которую можно рассматривать как форму критики идеологии. Ее сторонники хотят возродить политическую географию и геополитику как пространственное исследование конфликтов[45].

4. Взгляд на англосаксонскую политическую географию и геополитику

Совершенно иначе развивалась политико-географическая и геополитическая мысль в англосаксонских странах, значительное влияние на которую оказал уже упомянутый

[42] Haushofer, Albrecht 1951 (Прим. 11), С. 16.
[43] Там же, С. 17.
[44] Для справки см.: Tuathail, Gearóid: Critical GeopoliticC. The Politics of Writing Global Space, Minneapolis 1996.

[45] См. также: Wolkersdorfer 2001 (Anm. 3), С. 9 und Reuber/ Wolkersdorfer 2001 (Anm. 6), С. 8-11, кроме того: Oßenbrügge, Jürgen: Politische Geographie als räumliche Konfliktforschung. Konzepte zur Analyse der politischen und soziologischen Organisation des Raumes auf der Grundlage anglo-amerikanischer Forschungsansätze, Hamburg 1983.

ранее британский географ Хэлфорд Джон Маккиндер (1861-1947)[46]. Он был одним из основателей Лондонской школы экономики и являлся ее директором с 1903 по 1908 гг.. Маккиндер, как и Ратцель, изучал зоологию и преподавал географию в Оксфорде. В 1904 г. он сформулировал теорию Хартленда (англ. Heartland – «сердцевинная земля»), оказавшую определенное влияние на Версальский послевоенный порядок и впоследствии также на немецких геополитиков[47]. В 1919-1920 гг. Маккиндер служил британским Верховным комиссаром на юге России и оказывал поддержку белорусским войскам в борьбе с большевиками.

Маккиндер по сей день оказывает влияние на англосаксонскую традицию геополитического мышления[48]. Здесь геополитика видится вполне совместимой с либерально-демократическим пониманием политики[49]. Это мышление, в отличие от немецкой континентальной и евразийской концепции сухопутной державы, определено потребностями мирополитических воззрений морской державы. В США морская геополитическая традиция была основана контр-адмиралом и военным стратегом Альфредом Тайером Мэхэном (1840-1914)[50] и впоследствии развита другими авторами, такими как Исайя Боумен (1878-1950)[51] и Николас Спикмэн (1893-1943)[52]. Под влиянием этих идей во время холодной войны формировалась система политических союзов, заключающая «советско-китайский восточный блок» в кольцо и состоящая из НАТО, СЕНТО, СЕАТО, АНЗЮС и двусторонних договоров о безопасности с Японией, Китайской республикой (Тайванем) и Южной Кореей. Некоторые авторы придерживаются мнения, что вся теория реализма и неореализма в науке о международных отношениях, также как и дискурс о столкновениях цивилизаций (*clash of*

[46] Для оценки см. Beck, Hanno: Sir Halford Mackinder – Schöpfer des einflußreichsten Weltbildes der Neuzeit (1861–1947, in: Beck. Hanno: Große Geographen. Pioniere - Außenseiter - Gelehrte., Berlin 1982. C. 229-244.

[47] Mackinder, Halford J.: The geographical pivot of history, in: The Geographical Journal 1904, C. 421–437. Более подробно: Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction, New York 1919.
[48] См., к примеру: Blouet, Brian W. (Hg.): Global Geostrategy. Mackinder and the Defence of the West, London/ New York 2005; Kearns, Gerry: Geopolitics and empire. The legacy of Halford Mackinder, Oxford u.a. 2009. Хаусхофер использовали звестную карту мира Маккинддера с Хартлэндом и окружающей его дугой островов в своейцентральной работе 1938 г. (Прим. 5), С. 265.
[49] Petersen, Alexandros: The World Island. Eurasian Geopolitics and the West, Santa Barbara/ Denver/ Oxford 2011.
[50] Mahan, Alfred Thayer: The Influence of Sea Power upon History, 1660-1783, New York 1890, 1987; The Interest of America in Sea Power, Present and Future, Boston 1897, 1970.
[51] Bowman, Isaiah: The New World-Problems in Political Geography, Yonkers-on-Hudson 1921, а также: Smith, Neil: American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization, Los Angeles 2004;
[52] Spykman, Nicolas J.: America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power, New York 1942; The Geography of the Peace, New York 1944.

civilizations), берущий свое начало из спорной книги Сэмюэля Хантингтона (1927-2008)[53], происходят именно из геополитического мышления. Эти размышления связаны с потребностью в осмыслении новой многополярной международной системы, пришедшей на место существовавшей до 1991 года биполярной системы и кажущейся униполярной системы евро-американского мира (*Pax Euro-Americana*)[54].

5. Денацификация понятия «геополитика» или альтернативные термины для понятийного аппарата науки о политических территориальных структурах?

Некоторые слова в немецком языке на многие поколения вперед заражены национал-социалистическими коннотациями; такие как, к примеру, особое обращение (*Sonderbehandlung*), селекция (*Selektion*), народная общность (*Volksgemeinschaft*), вождь (*Führer*), ариец (*Arier*), раса (*Rasse*). 8 апреля британский премьер Дэвид Кэмерон сказал в своем заявлении по поводу смерти Маргарет Тэтчер: «сегодня мы потеряли великого лидера, великого премьер-министра („*Today we lost a great leader, a great prime minister*"). В немецком переводе на телевидении это звучало лишь как: «сегодня мы потеряли великого премьер-министра». В немецком языке прославление Тэтчер словами «*großer Führer/große Führerin*» (вождь/ фюрер) является недопустимым.

В отношении словоупотребления некоторых слов, таких как отечество (*Vaterland*), народ (*Volk*), нация (*Nation*), родина (*Heimat*), общность (*Gemeinschaft*), шла и идет борьба за денацификацию. В принципе, можно было бы денацифицировать и научные определения «политическая география» и «геополитика», придав им соответствующие сегодняшнему времени значения. Подобные попытки, очевидно, предпринимаются со стороны некоторых молодых ученых, занимающихся вопросами критической геополитики, которые чаще и охотнее называют ее *Critical Geopolitics*[55], дабы защититься от упрека в неонацизме. Для того, чтобы оживить термины «политическая география» и «геополитика», наполнив их новым содержанием и освободив их, помимо прочего, от образов имперской, колониальной, расистской и национальной военной политики и политики силы, необходимо, по моему мнению, провести различие между геополитической наукой (*Geopolitikwissenschaft*) и прикладной геополитикой и говорить о

[53] Huntington, Samuel Ph.: The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order, New York 1996, на немецком: Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert, München 1998. Zur Interpretation als geopolitisches Werk siehe Wolkersdorfer 2001 (Прим. 3), С. 148-157.
[54] Для его толкования см.: Brzezinski, Zbigniew: The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives, New York 1997, на немецком: Die einzige Weltmacht: Amerikas Strategie der Vorherrschaft, Weinheim 1997.
[55] Так в названии книги и в заголовке главы Reuber/ Wolkersdorfer 2001 (Прим. 6).

географии политики (*Politikgeographie*). Хотя в понимании Альбрехта Хаусхофера предметом обеих наук являются взаимоотношения между пространственным окружением человека и его политическими институтами, география политики должна сосредоточиться на описании и объяснении политически обусловленных изменений природного и культурного пространства, тогда как геополитическая наука должна заниматься вопросами географически обусловленной политики.

Лично я считаю употребление слова «геополитика» излишним. Ссылка на пространство проявляется достаточно четко в других выражениях: «внутренняя и внешняя политика», «мировая политика», «региональная политика», «конфликт западного и восточного блоков», «европейская политика», «Европейская политика соседства», «территориальное планирование» и многих других. Транспортная и экономическая политика – это, разумеется, тоже пространственная политика. Решения о строительстве и эксплуатации таких трубопроводов, как «Северный поток», «Южный поток», Nabucco, Баку-Тбилиси-Джейхан – это, безусловно, территориально-политические решения, которые не требуют применения к себе термина «геополитика».

Ранее я часто писал о конфликте западного и восточного блоков, который, как следует из названия, также являлся конфликтом между политическими пространствами. Но содержательно это был не конфликт двух ведущих мировых держав, СССР и США, за овладение территориями, а общественно-политический конфликт внутри участвовавших государств и между ними. На протяжении многих лет я пишу об интеграционной конкуренции между Брюсселем и Москвой, начавшейся в 1990-1991 гг.[56], а сегодня между ЕС/НАТО и СНГ/ОДКБ, не испытывая при этом потребности в употреблении слова «геополитика». Здесь речь, несомненно, идет о пространственной политике, а именно о разделении коммунистической Европы на либерально-демократическую западную часть и в большей или меньшей степени авторитарную восточную, которая претендует быть по-своему демократичной, хоть и не в понимании западной либеральной демократии. И действительно, эти страны сохраняют некоторые демократические элементами в конституциях. Данными элементами нельзя пренебрегать, поскольку они оставляют надежду на дальнейшую демократизацию в будущем.

Помимо того, в настоящее время не только вся Европа, но и почти весь мир существуют в рамках единого капиталистическо-рыночного экономического порядка,

[56] Подробнее в: Ausdehnung und Überdehnung. Von der Integrationskonkurrenz zum Ende der europäischen Integrationsfähigkeit// Osteuropa 57 (2-3/2007), C. 35-55.

даже если некоторые страны не отступают от строгого государственного контроля над рыночной экономикой. Поэтому также в этом отношении, без сомнения, еще существуют значительные общественно-политические различия, оказывающие пространственно-политическое влияние и частично усиливающиеся географическими факторами. Наконец нельзя упускать из виду тот факт, что страны, отличающиеся в общественно-политическом отношении от либеральных демократий, ни в коем случае не совпадают общественно-политически. Это означает, что между ними – как, к примеру, между Россией и Китаем и другими странами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – возможно определенное сотрудничество, но, разумеется, не тесный союз, несмотря на их территориальную взаимосвязь.

С другой стороны, общеевропейские и глобальные сходства, значительно смягчают постоянно возникающие напряженности в двусторонних отношениях между Германией и Россией, – странами, одна из которых играет важную роль в ЕС/НАТО, а другая – в СНГ/ОДКБ. Данные напряженности определяются не столько пространственным положением и географическими факторами, сколько в первую очередь общественно-политическими различиями. Как известно, эти различия и напряженности между сегодняшним сократившимся в размерах Востоком и расширившимися на восток ЕС/НАТО вновь и вновь оказываются в центре внимания Шлангенбадских бесед. Глобальное изменение в сторону большего, по сравнению с эпохой холодной войны, общественно-политического согласия позволяют определять и усиливать осознание общих интересов обоих подпространств в общеевропейском и глобальном контексте. Привлекательность обоих подпространств определяется не столько силой и мощью участвующих великих держав, а главным образом волею граждан отдельных государств, ориентирующихся либо на Брюссель, либо на Москву. При этом на протяжении более двух последних десятилетий в силу здесь не рассматриваемых причин, проявилась слабость общественно-политического и экономического интеграционного притяжения Москвы, хотя интеграционная сила Брюсселя в настоящее время также значительно сдает позиции. Общественно-политическими различиями между восточной, в прошлом коммунистической, частью Европы и ЕС/НАТО объясняются время от времени возникающие между ними конфликты с позиции политики силы. Эти общественно-политические различия, однако, не могут быть осмыслены в категориях великодержавных и политических противоречий между Россией, США и крупными державами в ЕС, такими как Германия. Поэтому геополитический образ мышления первой половины XX ни в коей

мере не способствует пониманию каких бы то ни было кризисных «глобальных изменений и двухсторонних последствий», говоря словами темы конференции.

Когда в 2003 году Франция, Германия, Россия и Китай проголосовали в ООН против интервенционных планов морских держав США и Великобритании, это ни коим образом не положило начало противостоянию между евразийским континентальным блоком и морскими державами, чего на протяжении десятилетий опасались некоторые англо-саксонские геополитики; речь шла об эфемерной коалиции государств по отдельному вопросу мировой политики. Евразийского континентального блока в наше время быть не может, поскольку нет общественно-политического единства Евразии, даже если не принимать в расчет национально-политических различий, играющих определенную роль в общественно-политическом согласовании.

6. Глобальные изменения и двухсторонние отношения между Германией и Россией

В 1897 г., во времена, когда в Европе еще господствовали монархические империи, и война считалась соответствовавшим международному праву средством, Фридрих Ратцель мог полагать, что мировая история характеризуется процессом военного, насильственного объединения изначально маленьких «государств» (точнее, он бы сказал «предгосударственных общин») в большие государства. Он еще не признавал полностью подрывающую империи силу принципа национального государства, исторически зафиксированного лишь с принятием (при содействии Владимира Ильича Ленина и Вудро Вильсона) Декларации о праве народов на самоопределение 1917 года, но проявившимся уже во времена американской и французской революций. Однако Ратцель уже осознавал значение лояльности населения по отношению к государству для стабильности государств и великих держав, происходившей, по его мнению, из интенсивной коммуникативной связи и успешной внутренней и внешней колонизации и языковой унификации. Длительный, добровольный союз государств еще не казался ему возможным. В 1900 г. на Земле существовало лишь 51 независимое государство, через сто лет их стало уже 192. Сегодня их существует уже 195, не считая некоторых государств де-факто.

Государственная дезинтеграция все еще играет значительную роль наряду с обращающими на себя все большее внимание международными интеграционными процессами. В будущие годы дезинтеграция угрожает еще нескольким десяткам государств, поскольку движимая надеждой на успех потребность в создании собственного

национального государства исторически еще не исчерпала себя. Не существует никакого исторического закона роста государств за счет экспансии наиболее сильных и их колонизации лояльным к государству населением, как это предполагал еще Ратцель. Скорее, на протяжении десятилетий с небольшим перерывом на время второй мировой войны доминирует историческая тенденция к уменьшению территорий и увеличению численности государств. Несмотря на то, что в ходе европеизации и глобализации национальное государство передало важные военные, политические, экономические функции, а также функции обеспечения безопасности международным организациям (союзам государств, многонациональным концернам и банкам) или же вовсе потеряло их, у него еще остались социальные и культурные функции, которые даже в ходе глобализации становятся все важнее. Век национальных государств, вопреки мнению многих, еще далеко не завершился.

Политика создания крупных территорий на сегодняшний день имеет значение лишь как интеграционная политика и уже едва ли как экспансивно-территориальная политика силы и применения насилия со стороны отдельных крупных держав. Международная интеграционная политика может быть успешной в долгосрочной перспективе лишь как мирная, кооперативная и способствующая развитию транснациональных общественных отношений. Основными причинами добровольной международной интеграции в отличие от военной, принудительной, имперской интеграции являются совпадение общественно-политического устройства и политической культуры, ненасильственное заселение большого пространства лояльным к государству и гомогенным в языковом отношении населением. Стоит, впрочем, отметить, что определенная пространственная связь интегрирующихся государств является второстепенной причиной. Объединение всех демократических государств с рыночной экономикой в тесный союз государств или даже в федерацию не является вероятным. К примеру, не будет никаких Соединенных Штатов Европы, Северной Америки и Новой Зеландии. В то же время не может быть никакого Европейского Союза, состоящего из демократических, коммунистических и фашистских государств. Пространственная политика и общественная политика должны идти рука об руку при глубокой интеграции; эфемерная кооперация же, напротив, возможна и при серьезных общественно-политических различиях.

Европейская политика или политика европейской интеграции всегда будет являться территориальной политикой, и должна осмыслить, внутри и за пределы какого

именно политико-географического пространства, определенного географическими концепциями Европы, она хочет интегрироваться. Природно- или физио-географические концепции понятия Европа, никогда не являвшиеся вполне четкими и согласованными, в прошлом определялись политически. Царское постановление сделало Урал и Эмбу восточной границей Европы по предложению шведского военного географа Филиппа Иоганна фон Страленберга в 1730 г., после того как на протяжении столетий восточной границей Европы считался Дон[57]. Также более позднее перенесение географической южной границы Европы с Кумо-Манычской впадины на гребень Кавказских гор было политическим решением. Географическая Европа не может быть политически интегрированной Европой, только если нынешние государства России и Турции будут разделены на одно европейское и одно азиатское государство соответственно. Так, политически интегрированная Европа должна быть больше или меньше географической Европы. Уже сегодня в Европейский Союз, к примеру, входит географически причисляемое к Азии государство – Кипр.

При всей своей подверженности кризисам все-таки относительно стабильный Европейский Союз держится не только на общей общественно-политической основе и пространственной связанности государств, входящих в ЕС, но и на их внутренней территориально-политической структуре. Хотя в современной истории были успешные примеры процессов государственного объединения под господством державы-гегемона, например, Италии и Германии (Пьемонт, Пруссия), либерально-демократическое государственное объединение по типу Европейского Союза, очевидно, выигрывает от того, что помимо маленьких государств и государств средней величины, четыре державы средней величины, сильные в различных политических областях – Франция, Германия, Великобритания и Италия – занимают более высокое положение, не стремясь при этом играть роль гегемона. С существующей структурой Европейского Союза было бы совместимо членство Исландии, Гренландии и Канады, но не США, поскольку США стали бы явным гегемоном в расширившемся на запад Европейском Союзе или Евроатлантическом Союзе. Это в свою очередь повлекло бы за собой фундаментальное изменение неписаной конституции ЕС. По той же причине вступление в ЕС

[57]Более подробно см.: Jahn, Egbert: Wo befindet sich Osteuropa?// Osteuropa 40 (5/1990), С. 418-440; также на русском: Где находится Восточная Европа?// Мировая экономика и международные отношения, 34 (12/1990), Сс. 67-78.

демократизированной в западном понимании России едва ли возможно. Исходя из территориальной, демографической и экономической величины, вступление демократизированной Турции было бы, напротив, более вероятно; но вопрос о том, готовы ли нынешние члены ЕС с культурной, религиозной и этнополитической точек зрения одобрить вступление Турции, должен рассматриваться как политически открытый. В любом случае, решение относительно того, где политика стран, желающих вступить в ЕС, по возможности при согласовании с Россией, устанавливает восточную границу интегрированной Европы, является пространственно-политическим. Каждое решение о членстве последующих стран в ЕС содержит в себе и решение о том, какие страны станут соседями ЕС, а также о том, какими будут новые вызовы и конфликты.

Интеграция государств не означает возникновения государственных блоков. Международные интеграционные процессы могут накладываться друг на друга и быть различными по интенсивности. Так, Европейский Союз состоит из в различной степени интегрированных государственных объединений, а некоторые из его членов одновременно входят в НАТО, в то время как другие - нет. Все входят в различные институты системы ООН. Германия и Россия не только являются членами взаимоисключающих союзов ЕС/НАТО и СНГ/ОДКБ, но одновременно совместно входят в ОБСЕ, Совет Россия-НАТО и Совет Европы. Подобные накладывающиеся друг на друга государственные объединения не могут быть осмыслены в рамках старых мыслительных шаблонов геополитики. Для понимания и дальнейшей организации изменившегося и далее меняющегося мира не требуется ни наука, ни политика под названием геополитика.

Перевод с немецкого языка выполнили Татьяна Варачева, Евгения Бакалова